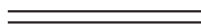

Часть I

**ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ
МЫШЛЕНИЕ**

Глава 1

В ЧЕМ ПРОБЛЕМА?

Два примера — Определение — Предвззсудки — это ценностная концепция? — Функциональное значение — Установки и убеждения — Проявления предвззсудков

Я, человек сугубо практический и прикованный к сфере своей деятельности, признаю, что действительно чувствую человеческие различия, национальные и индивидуальные... Говоря попросту, я клубок предвззсудков, свитый из расположений и неприязней, — истинный раб симпатий, апатий, антипатий.

Чарльз Лэм

В Родезии белый водитель, проезжая мимо группы отдыхающих туземцев, пробормотал: «Ленивые скоты». Несколько часов спустя он увидел, как туземцы затаскивают в грузовик двухсотфунтовые мешки с зерном, напевая в такт работе. «Дикари, — проворчал он. — Чего от них ждать?»

В одной из Вест-Индий у туземцев какое-то время было принято демонстративно зажимать нос всякий раз, когда на улице им встречался американец. А в Англии во время войны говорили: «Единственная проблема янки в том, что они помешаны на сексе и их слишком много».

Поляки часто называли украинцев «гадами», выражая тем самым свое презрение к группе людей, которые казались им неблагодарными, мстительными, коварными и вероломными. В то же время немцы именовали своих восточных соседей «польским скотом». Поляки в ответ обзывали их «пруссскими свиньями», считая немцев неотесанными и бесчестными.

В Южной Африке говорят: англичане против африканеров*, и те и другие — против евреев, все они — против индийцев, а вместе с индийцами — против коренных чернокожих.

В Бостоне высокопоставленный представитель Римско-католической церкви ехал по пустынной дороге на окраине города. Увидев бредущего по

* Народы белой расы, населяющие Южную Африку, потомки европейских (преимущественно голландских, а также французских и немецких) колонистов-переселенцев. — *Примеч. ред.*

улице негритенка, он велел шоферу остановиться и предложил подвезти его. Они сидели вместе на заднем сиденье лимузина, и священнослужитель, чтобы завязать разговор, спросил: «Мальчик, ты католик?» Округлив глаза, тот ответил: «Нет, сэр, быть цветным и без того плохо».

На просьбу рассказать, что китайцы думают об американцах, один китайский студент неохотно ответил: «Ну, мы считаем их лучшими из заморских дьяволов». Это было до коммунистической революции в Китае. Современную китайскую молодежь учат считать американцев худшими из заморских дьяволов.

В Венгрии говорят: «Антисемит — это человек, который ненавидит евреев больше, чем это безусловно необходимо».

На земле нет ни единого уголка, свободного от межгрупповых насмешек и пренебрежения. Накрепко связанные со своими культурами, мы, подобно Чарльзу Лэму, несем в себе целые клубки предрассудков.

Два примера

У антрополога лет тридцати пяти было двое маленьких детей, Сьюзен и Том. В силу профессиональной необходимости он должен был прожить год в племени американских индейцев в доме одной гостеприимной семьи аборигенов. Однако он настоял на том, чтобы его сын и дочь остановились в поселении белых людей, расположенном в нескольких милях от индейской резервации. Он редко позволял Тому и Сьюзен приезжать в деревню племени, хотя им очень этого хотелось. В тех редких случаях, когда они приходили в гости, он строго-настрого запрещал им играть с индейскими детьми.

Некоторые, в том числе индейцы, жаловались, что антрополог не соблюдает кодекс своей профессии и демонстрирует расовые предрассудки. Но дело было вовсе не в этом. Ученый знал, что в деревне племени широко распространен туберкулез и четверо малышей в семье, где он жил, умерли от этой болезни. Вероятность заражения его собственных детей при частых контактах с коренными жителями была бы слишком высока. Здравый смысл подсказывал ему, что рисковать не следует. В данном случае этническое избегание имело рациональные и реалистичные основания. В нем не было никакого антагонизма. Антрополог в целом не испытывал негатива по отношению к индейцам. На самом деле он глубоко им симпатизировал.

Поскольку этот пример не показывает, что мы подразумеваем под расовыми или этническими предрассудками, давайте обратимся к другому.

В начале летнего сезона две газеты Торонто разместили рекламные объявления примерно ста различных курортов. Канадский социолог С. Л. Вакс

провел интересный эксперимент^{1*}. В каждый из отелей и здравниц он написал по два письма, отправив их в одно и то же время и попросив забронировать номера на одни и те же даты. Одно письмо он подписал именем мистер Гринберг, другое — мистер Локвуд.

Мистеру Гринбергу ответили 52 % заведений и 36 % предложили размещение. Мистеру Локвуду ответили 95 % заведений и 93 % предложили размещение.

Таким образом, почти все курорты с готовностью откликнулись на письмо и просьбу мистера Локвуда, но почти половина из них не удостоила мистера Гринберга ответа и лишь немногим более трети были готовы принять его в качестве гостя.

Ни один из отелей не знал ни «мистера Локвуда», ни «мистера Гринберга». В их представлении «мистер Гринберг» мог быть спокойным порядочным джентльменом, а «мистер Локвуд» дебоширом и пьяницей. Очевидно, что решение было принято не на основании каких-либо достоинств личности, а потому, что «мистер Гринберг» воспринимался как представитель определенной этнической группы. Он столкнулся с нелюбезностью и изоляцией исключительно из-за своего имени, которое вызвало у менеджеров отеля предвзятое отношение и нежелание его принимать.

В отличие от нашего первого примера, в этом отражаются два основных компонента этнических предрассудков:

1. Наличие определенной враждебности и неприязни. Большая часть отелей не хотела иметь ничего общего с «мистером Гринбергом».
2. Категоричное основание для отказа. «Мистер Гринберг» оценивался не как личность. Скорее всего, его забраковали на основании его предполагаемой принадлежности к группе.

Внимательный исследователь на этом этапе мог бы задаться вопросом, в чем заключается принципиальная разница «категорического отказа» в примерах с антропологом и отелями? Разве антрополог не исходил из высокой вероятности заражения, предпочитая из соображений безопасности избегать контактов его детей с индейцами? И разве владельцы отелей не исходили из высокой вероятности того, что в силу этнической принадлежности мистер Гринберг может оказаться нежелательным гостем? Антрополог знал, что туберкулезная инфекция свирепствует повсюду; но ведь и владельцы гостиниц могли знать, что евреи — порочны, и рисковать не следует?

Это логичный вопрос. Если бы владельцы гостиниц основывали свой отказ на фактах (точнее, на высокой вероятности того, что данный еврей

* См. ссылки в конце главы. — *Примеч. автора.*

обладает нежелательными чертами характера), их действия были бы столь же рациональными и оправданными, как и поступок антрополога. Но мы с уверенностью можем сказать, что это не так.

Некоторые управляющие, возможно, никогда не имели неприятного опыта общения с еврейскими гостями — такая ситуация кажется особенно вероятной в свете того, что во многих случаях иудеев просто не принимали в отелях. Или, если у них был такой опыт, они не сопоставляли его частоту с неприятными инцидентами с гостями-неевреями. Они определенно не обращались к научным исследованиям, в которых рассматривается относительный процент положительных и отрицательных черт характера у евреев и неевреев. Если бы им нужны были фактические обоснования своего неприятия, они бы их не нашли, как мы узнаем из главы 6.

Конечно, не исключено, что сам управляющий был свободен от личных предрассудков, но даже в этом случае он принимал во внимание антисемитизм своих гостей-неевреев. Как бы то ни было, суть ясна.

Определение

Английское слово «*предрассудок*» — *prejudice*, — происходящее от латинского существительного *praejudicium*, как и многие другие слова, изменило свое значение со времен античной классики. Можно выделить три этапа этой трансформации².

- I. Для древних *praejudicium* означало прецедент — суждение, основанное на предыдущих решениях и опыте.
- II. Позже это понятие в английском языке приобрело значение убеждения, сформированного до надлежащего рассмотрения фактов, и стало означать преждевременное или поспешное суждение.
- III. Наконец, термин приобрел свой нынешний эмоциональный оттенок благоприятного или неблагоприятного отношения, которое сопутствует априорному и ничем не подкрепленному суждению.

Пожалуй, кратчайшим из всех определений предрассудков можно считать следующее: «*думать плохо о других без достаточных оснований*»³. В эту четкую формулировку входит два основных аспекта всех определений — отсылки к необоснованному суждению и чувствам. Однако оно слишком кратко для полной ясности.

Прежде всего, оно относится только к негативным предрассудкам. Люди также могут быть предвзяты, думая о других хорошо без достаточных оснований. Формулировка, предлагаемая Новым словарем английского языка, отражает как положительные, так и отрицательные предрассудки: «*чувство*,

благоприятное или неблагоприятное, по отношению к человеку или объекту, сложившееся заранее, а не на основе реального опыта».

Безусловно, важно учитывать, что предрассудки могут быть как положительными, так и отрицательными. Тем не менее этнические предрассудки в большинстве своем негативны. Одну группу студентов попросили описать их отношение к разным этносам. Никаких намеков, которые могли бы навести их на негативную реакцию, не высказывалось. Однако они назвали в восемь раз больше негативных установок, чем позитивных. Соответственно, в этой работе нас будут интересовать главным образом предубеждения *против* этнических групп, а не предубеждения *в их пользу*.

Фраза «плохо думать о других» довольно расплывчата и очевидно должна подразумевать такие чувства, как презрение и неприязнь, страх и отвращение, а также различные виды проявления антипатии: например, негативные высказывания о людях, дискриминацию по отношению к ним или насильственное нападение.

Подобным же образом нам необходимо расширить формулировку понятия «без достаточных оснований». Суждение необоснованно всякий раз, когда оно не опирается на факты. Остряки определяют предрассудки как «придирки к тому, в чем вы не разбираетесь».

Сложно сказать, сколько фактов требуется для того, чтобы считать то или иное суждение оправданным. Предвзятый человек почти наверняка заявит, что у него есть достаточные основания для своих взглядов. Он расскажет о горьком опыте общения с беженцами, католиками или выходцами с Востока. Но в большинстве случаев очевидно, что его факты необъективны и их недостаточно. Он выборочно отбирает свои немногочисленные воспоминания, смешивает их со слухами и чрезмерно обобщает. Никто не может знать *всех* беженцев, католиков или выходцев с Востока. Следовательно, любое негативное суждение об этих группах *в целом* является, строго говоря, примером негативного представления о других без достаточных оснований.

Иногда человек, который думает плохо о других, не имеет личного опыта, который обосновывал бы его предубеждения. Несколько лет назад американцы в большинстве своем крайне плохо относились к туркам, но мало кто из них когда-либо видел турка или знал бы хоть одного человека, видевшего его. Они оправдывали свое отношение исключительно тем, что слышали о массовых убийствах армян и легендарной священной войне. На основании этих свидетельств они считали допустимым осуждать весь этот народ.

Обычно предрассудки проявляются в общении с отдельными представителями отвергаемых групп. Но, избегая соседа-негра или отвечая на просьбу «мистера Гринберга» о номере в гостинице, мы руководствуемся категори-

ческим обобщением группы в целом. Мы почти или совсем не обращаем внимания на индивидуальные различия и упускаем из виду тот важный факт, что негр Х (наш сосед) — это не негр Y, которого мы недолюбливаем по уважительной причине; что мистер Гринберг, который может быть истинным джентльменом, вовсе не мистер Блум, которого мы терпеть не можем, имея на то веские основания.

Это настолько распространенное явление, что мы могли бы определить *предрассудок как неприязненное или враждебное отношение к человеку, который принадлежит к некой группе, просто потому, что он принадлежит к этой группе, а значит, как предполагается, обладает негативными качествами, приписываемыми группе*. Это определение подчеркивает тот факт, что, хотя этнические предубеждения в повседневной жизни обычно касаются отдельных людей, они также влекут за собой необоснованное представление о группе в целом.

Возвращаясь к вопросу о «достаточном обосновании», следует признать, что лишь немногие — если таковые вообще имеются — человеческие суждения полностью основаны на несомненных фактах. Мы можем с уверенностью, но не абсолютной, утверждать, что завтра взойдет солнце и что в конечном счете нам не избежать смерти и налогов. Достаточность обоснования любого суждения — это всегда вопрос вероятности. Как правило, наши представления о природных явлениях основаны на более солидных и более вероятных данных, чем мнение о людях. Лишь в редких случаях наши категорические суждения о народах или этнических группах имеют под собой весомое основание.

Взять, например, враждебное отношение к нацистским лидерам, которое разделяло большинство американцев во время Второй мировой войны. Было ли оно предвзятым? Нет, поскольку имелось множество доступных свидетельств о жестокой политике и практиках, официально принятых партией. Возможно, в партии могли быть хорошие люди, которые в глубине души отвергали чудовищную идеологию; но вероятность того, что нацистская группировка представляет действительную, не выдуманную, угрозу миру и гуманистическим ценностям, была настолько высока, что в результате возникло твердое и оправданное противостояние. Высокая вероятность опасности переводит антагонизм из области предрассудков в область реального социального конфликта.

В случае с гангстерами наш антагонизм также не является вопросом предрассудков, поскольку доказательства их антиобщественного поведения неопровержимы. Но далее провести черту становится все труднее. Как быть с бывшими заключенными? Общеизвестно, что бывшим заключенным трудно найти постоянную работу, которая позволит им обеспечивать себя, не теряя

самоуважения. Естественно, работодатели с подозрением относятся к людям с подобным прошлым. Но часто их подозрительность выше, чем того требуют факты. При более внимательном рассмотрении они могут узнать, что стоящий перед ними соискатель полностью исправился или даже изначально был несправедливо обвинен. Решение закрыть дверь перед человеком по причине его криминального прошлого имеет под собой некоторые вероятностные обоснования, ведь многие заключенные не исправляются; но в этом есть и элемент необоснованного предубеждения. Здесь мы имеем дело с настоящим пограничным случаем.

Вряд ли мы когда-либо сможем провести четкую грань между «достаточным» и «недостаточным» обоснованием. По этой причине не всегда можно быть уверенными в том, имеем ли мы дело с предрассудком или нет. И все же вряд ли кто-то будет отрицать, что часто мы формируем суждения на основе скудных, даже несуществующих вероятностей.

Избыточная категоризация — это, пожалуй, самая распространенная ловушка человеческого разума. Имея фактов с наперсток, мы спешим делать обобщения размером с ведро. Один мальчик под впечатлением от саги об исполине Имире решил, что все норвежцы — великаны, и долгие годы боялся встретиться лицом к лицу с живым норвежцем. Другой человек лично был знаком с тремя англичанами и утверждал, что все британцы обладают качествами, которые он наблюдал у этих троих.

Такая тенденция имеет под собой вполне естественное основание. Жизнь так коротка, а требования к практическому приспособлению к ней так велики, что мы не можем позволить непониманию отвлекать нас от повседневных дел. Нам приходится классифицировать объекты и решать, хороши они или плохи. Мы не можем оценивать все на свете объекты. Для этого подходят наспех составленные категории, какими бы грубыми или широкими они ни были.

Не все чрезмерные обобщения являются предрассудками. Некоторые из них — просто неправильные представления, в которых мы систематизируем неверную информацию. Один ребенок считал, что Миннеаполис населяют исключительно «монополисты». От своего отца он знал, что монополисты — люди нехорошие. Когда в последующие годы он обнаружил эту путаницу, его неприязнь к жителям Миннеаполиса исчезла.

У нас есть тест, который помогает отличить обычную предвзятость от предрассудка. Если человек может исправить свои ошибочные суждения в свете новых фактов, значит, он не предубежден. *Предвзятости становятся предрассудками только в том случае, если они не меняются под воздействием новых знаний.* Предрассудок, в отличие от обычной предвзятости, активно

сопротивляется всем доказательствам, способным его опровергнуть. Когда нашему предубеждению угрожает некое противоречие, мы склонны реагировать эмоционально. Таким образом, разница между обычной предвзятостью и предрассудком заключается в том, что предвзятость можно обсуждать и исправлять без эмоционального сопротивления.

Принимая во внимание эти соображения, мы можем попытаться дать окончательное определение негативных этнических предрассудков, к которому будем обращаться на протяжении всей книги. Каждая фраза определения в предельно сжатом виде отражает те моменты, которые мы обсудили.

Этнические предрассудки — это антипатия, основанная на ошибочном и негибком обобщении. Она может ощущаться и выражаться. Она может быть направлена на группу в целом или на отдельного человека, потому что он является членом этой группы.

Конечный эффект предрассудка, определенного таким образом, заключается в том, чтобы поставить его объект в незаслуженно невыгодное положение.

Предрассудки — это ценностная концепция?

Некоторые авторы включают в определение предрассудков дополнительную составляющую. Они утверждают, что отношение является предубежденным только в том случае, если оно нарушает какие-либо важные нормы и ценности, принятые в культуре⁴. Они настаивают, что предрассудки — это тип предвзятого отношения, которое не одобряется обществом с точки зрения этики.

Как показал один эксперимент, этот термин в обычном употреблении действительно имеет подобный оттенок. Нескольким экспертам предложили оценить утверждения, сделанные учащимися девятого класса, и распределить их по категориям в соответствии со степенью представленных в них «предрассудков». Оказалось, что любые высказывания мальчиков против девочек не считались предрассудками, поскольку выражение пренебрежения подростками к противоположному полу считается нормой. Негативные высказывания учащихся об учителях тоже не расценивались как предрассудки. Подобное неприятие тоже восприняли как естественное для такого возраста и социально незначимое. Но враждебные высказывания детей в адрес профсоюзов, социальных классов, рас или национальностей чаще классифицировались как «предрассудки»⁵.

Короче говоря, на мнение экспертов повлияла социальная значимость несправедливого отношения. Пятнадцатилетний юноша, который «пренебрегает» девочками, не считается предубежденным в отличие от того, кто «пренебрегает» представителями других национальностей.

Если использовать данный термин в этом смысле, следовало бы признать, что старая кастовая система в Индии, которая сейчас разрушается, не содержала в себе никаких предрассудков. Это было просто удобное социальное расслоение, приемлемое почти для всех граждан, поскольку оно обосновывало разделение труда и определяло социальные привилегии. На протяжении веков эта система устраивала даже неприкасаемых, поскольку в силу религиозной доктрины реинкарнации казалась совершенно справедливой. Неприкасаемых считали изгоями, потому что в предыдущих жизнях они не заслужили перехода в высшую касту или бессмертного существования. Они несли справедливое наказание и имели возможность вести праведную и духовную жизнь, чтобы в будущем получить более благоприятное перерождение. Учитывая, что представление о справедливости кастовой системы долгое время было характерно для индуистского общества, можем ли мы в ее контексте говорить о предрассудках?

Или возьмем систему гетто. На протяжении многих веков евреи жили в особых зонах, иногда расположенных цепочкой по всему региону. Только внутри этих зон они имели право свободно перемещаться. Преимуществом такого устройства было предупреждение конфликтов, и евреи, зная свое место, могли планировать жизнь с известной долей определенности и комфорта. Можно было бы утверждать, что они были в большей безопасности и их судьба была гораздо более предсказуемой, чем в современном мире. В истории были периоды, когда ни евреи, ни неевреи не испытывали особого возмущения по отношению к такой системе. Отсутствовали ли тогда предрассудки?

С предубеждением ли относились древние греки (или первые американские плантаторы) к наследственному классу рабов? Конечно, они смотрели на них свысока и, несомненно, придерживались ошибочных теорий об их врожденной неполноценности и «животноподобном» интеллекте; но все это казалось таким естественным, удобным и правильным, что никакой моральной дилеммы не возникало. Даже сегодня в некоторых штатах выработан некий *modus vivendi*, схема сосуществования белых и цветных людей. Установлен ритуал отношений, и большинство не задумываясь подчиняются реалиям социальной структуры. Поскольку они просто соблюдают устоявшиеся обычаи, они отрицают свою предубежденность. Негры просто знают свое место, а белые — свое. Должны ли мы в таком случае вслед за некоторыми авторами утверждать, что предрассудки появляются только тогда, когда люди ведут себя более высокомерно, более агрессивно, чем предписывает их культура? Следует ли рассматривать предрассудки всего лишь как отклонение от общепринятой практики?⁶